

БУНТОВЩИК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАН ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ АНАРХИЗМА.

№ 2.

Томское отделение
Сибирского АС России
Т-50069

Воскресенье, 14-го (I) апреля 1918 года.

№ 2.

Рабочие и Крестьяне!

„БУНТОВЩИК“—это ваше издание потому, что оно борется за ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ всей ТРУДОВОЙ БЕДНОТЫ. Так помните же, друзья, о том, что ваше издание может существовать только при вашей как материальной, так и НРАВСТВЕННОЙ поддержке. Издание может держаться только при содействии и помощи вас САМИХ. Распространяйте же его,—читайте и, после прочтения, передавайте другим. СНАБЖАЙТЕ ДЕРЕВНЮ НАШИМ ИЗДАНИЕМ. Все отчисления, сборы и взносы направляйте исключительно по адресу: ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кв. 10, Е. КЛЮЕВУ. Подписные листы для сбора пожертвований на издание „Бунтовщина“ высылаются и выдаются в редакции с 1 до 2 ч

По поводу выступления Японий.

Всякое государство, как и весь мир, разделено на господ и рабов. Когда упоминают слово „государство“, это говорит о господствующем в государстве классе. Исключением составляют эпохи революций, когда рабы рвут цепи рабства. В тьмол японских находится теперь Россия, а остальные государства—в основном, хотя и в них разгорается искра бунта пораженных. Поэтому, говоря о Японии, Англии, Франции, Германии, Австрии и т. д. государствах, подразумеваются господствующий класс и его привилегии, говоря же о России—революционные слои ее прежних наместников, разрушающих старый мир.—Россия гибнет,—говорят богачи, чиновники, все продажные твари ли группы из бедняков. Да,—рабско-господская Россия гибнет. Пусть. Губите ее, не жалейте! Смотри и любуйтесь: растет молодая Россия свободных людей. Шавей дорогу миру перед нами!

Вот почему-то государство, как олицетворение рабовладельчества, теперь против России. Япония первая, но не одна она. Против нас государство вообще,—против нас все государства, как выражение господства паразитов над тружениками.

Но это совсем не печально, а радостно. Государство оцепенелось, разинуло свои пасти, значит—оно пошло опасно для себя, как идея, для основы жизни. Основы государства расшатаны, и близится день их падения. Этому вот и радуемся мы, анархисты: мы желаем и стремимся стать свободными от государственного рабства.

Оправдываясь, оскандалив и разинула свою пасть на Россию Япония. Не в боязни конкуренции и не в жадной захвата земли, пространства,—причина этого выступления. Во всяком случае захват территории имеет значение второстепенное в выступлении Японии и всей тьмол компаний государств против России. Среди них и „милая“ Франция, задумавшая русскую революцию 1905—7 г. г. своим золотом. Раздвигая, напоминая, подпрыгивая, нарядная и продажная любовница капиталистов и властителей, главная протестушка капиталистического мира. Франция выраждающая буржуа называет, через своих официальных представителей, „наступление японцев вполне естественной полицейской мерой“. Вот они крокодиловы слезы и волчьи зубы „нашей милой союзницы“, какою считает ее российская либеральная буржуазия. Вместе с Францией, конечно, Англия и вся штора государств революция для всех их—смертельный яд.

Что же главная причина выступления Японии и т. д. „кулачурных“ государств против „варварской“ России? Причина эта—русская революция, вселявшая во всем мире на

протязеи всех минувших времен. Никогда положение старого мира не было настолько шатким, как теперь. Русские „варвары“ опередили своих „цивилизованных“ братьев в своем стремлении к лучшему—вырвет старый мир, „лишенный и „лишенный“ всеми государствами, разрушая молодое Русское. Вот где—собака зарыта, вот в чем—грозда, главный выт, основная кручина выступления Японии против России,—выступления государства против российской социализмской революции, стремившейся разрушить „власть, как экономическую, так и политическую,—власть капитала и государства (богачей и привилегий)“.

Одну рукою японская господствующая мразь озирает, как лапач, думя назревающее революционное брожение внутри японского рабочего класса, другую протязает, заранее заручившись поддержкой остальных государств, чтобы задушить русскую революцию. Милорады за свой гроб, японские кулаки—за свой паричик и котомку, поэтому Николай Великолепый и русских помещиков и богачей, эти „утиныеные неприятели“.

„Цивилизованные“ алкари не останавливаются ни перед чем. Чтобы создать формальный повод (имеющий ученым скромноразом casus belli) к смертной казни над русской революцией, они не брезгают кровавой провокации. Умать „печальная“ русского королюванного тигра и дворян беззастенчиво королюванного палача Японии и его ополку—японскую буржуазию. И вот грязными руками и голыми убищи они отнимают жизни двух—трех тысяч „верноподанных“, живущих во Владивостоке, для того, чтобы „создать“ casus belli. Тут нет ничего особенного и удивительного: таковы капитал и власть и умные всех стран и всех партий. Господствующий класс Японии ни хуже ни лучше господствующих классов других государств,—в данном случае она оказалась только понахальнее других, выступившей во всю длину свои зверские когти, потому что на его стороне оказалась больше духовного ублюдства и трубой сыны палача.

Здесь уместно упомянуть о том, что русская буржуазия, открыто высказавшая свои „пожелания“: „хоть бы германцы поскорее поради навели“, гордо симпатизирует выступлению Японии против России. Полято, русская печать не может не симпатизировать японской пшави. По-бому фарисейское притворство национализма и патриотизма, по-бому деланный стыд ханжы: революция самим образом прожигает преимуществам господ и властителей! Для зрячих обнажилась окончательно отвратительная физиономия фарисейского старого мира.

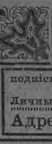
Но что же дальше? Как быть? Что делать? Где выход? Российским властями „заявлен“ протест и по всей Сибирь „объявлено“ военное положение. Ценность

всех словесных протестов—ноль без десяти. Объявление „всей Сибирь на военном положении“ тем больше исповядно не о „политической“ и стратегической „мечтении“. Почему? Зачем? Какая выгода для японских „государственных разбойников и палачей“, „генеральных деятелей, имев, шир, Турханских, Нарым, Сургут, Якутск и тундры севера и прочие сибирские „мелкие“ „Мероприятия“, „заявлений“ и „объявлений“ можно объяснить только старческим размышлением морозных „государственных деятелей“. Неужели они думают, что допотопического возраста? Нерасширив—отдель в тьмол пасмурных дней? Рокковой коней всякого „сподвижника“ течения в напей революции. Все политические извращения, салютотрагисты, балластные „комиты“ и „комиты“ так окончат свое малое прозвоние.

Между тем выход имеется—притупить, не медля ни секунды, в вооружении беднейшей и наиболее революционной части японских и крестьян Сибирь, паче „Амуро“ и Приморского обла. где японские паразиты уже начали орудовать. Государственные „кулаки“ осуществят к этому анархическому методу скантинески, тем и менее в нем—единственное средство спасения революции от интернациональных и отечественных контр-революционеров. Красная гвардия, правая армия помоя не могут, вооружение же самих заинтересованных в успешной революции крестьян и рабочих—одно противоядие против разлагающего дала реакции. Конечно, оно, разрушая реакцию, разрушает и государство, этот старый и подлый дух—он олицетворяет реакцию, но оно одно, это противоядие, может обезвредить „деспотический“ но не оферный, не призрачный успех крестьянско-рабочей революции.

Большевики должны понять это, если только они не хотят облыбиться с реакцией, если только они не хотят сознательно идти по пути „сознательности“ и бессознательно угодить в „милые“ объятия буржуазно—революционной реакции, по существу самой ужасной для дела революции, и оставить, как рак,—на мей старого мира, как их социалистический предшественники и соборы в прошлом году русской революции.

Но уж мотут ли они, зарывшиеся проказой власти, понять это? Это вопрос, на который приходится ответить отрицательно. Несомненно одно: знай Япония капиталистический феодализм, буржуазные крепостничества, иностранные „агенты“ ли попусту японских кулаков оборудован по последнему слову науки, о том, что вооружена рабоче-крестьянская Сибирь, она, при всей своей изворотливости, не решится бы поприказу идти в русскую буржуа, хотя и за высокие проценты. И не похотелась бы даже протунуть свою лапу в Владивостоку, не говоря уже о том, что не высказала

Цена в Томске 40 коп., вг Томска 45 коп.

Редакция против дурной привычки, возмущая, окупает инициативу, прикладывая для казачества, заботы, корректуры, и в асти.

Платить их нужно на одной стороне листа. Необходим—позная подпись автора и его точный адрес. По возможности разумной охрицающей и измощенности.

Личный прием в редакции: по убоистам с 1 до 3 час. дня.

Адрес редакции: ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кв. 10.

бы позволения протязать ее дальше до Урала. Разрушая русское капиталистическое крепостничество, не слался бы и японским удавам и агрусам русские рабочие и крестьяне. Но противостоять могут только вооруженные (конечно, не в форме армии). Позабойтесь об этом сами, не возлагайте надежд ни на большевиков ни на советы депутатов. Большевики, метавшие в бою с нами на крестьянских и рабочих, сами начали копать себе яму, вооружая военно-пешных (между ними встречаются недобродыни) прежде вооружения своей рабочей и крестьянской среды. С точки зрения укрепления своих капиталистических олений—они правы, но с точки зрения революционной практики—их познания, подосудительные действия не выдерживают и первого натиска критики.

Пока дело поправимое,—пока не

поздно. Рабочим и крестьянам необходимо отказаться от услуг всех вожаков, лисек, командиров и пачинателей и самих, без всяких покровителей и сискуляторов, пролагать дорогу в новый мир,—к лучшему. Своим кровным делом надо взять непосредственно в свои мозолистые руки. Так будет вернее и прочнее. Могут ли это сделать советы депутатов? Нет. Но это могут сделать сами рабочие и крестьяне.

Вас пострадают бую и бурья и социалсты, вместе они окупят вашу аггессив-трагическим тоном: „Этот анархистский путь“. Не бойтесь. Когда вы станете сознательно анархистами, только тогда будете и свободными.

Вы анархист не освобождения ни для рабочих, ни для крестьянской бедноты.

Не плачте!

Не плачте над трупами наших борцов, Погибших с оружием в руках. Не пойте над ними надгробных стихов, Слезой не смывайте их грехи. Не нужно ни слезы, ни слез мертвецам, Оставьте их лучший почерк. Плачьте без страха но мертвым телам, Не вите из знания теперь! С прахом их, под знаменем тьх же идей, Велите их бой до конца! Нет! почести душе, нет тріанн святей Для тех достойной борца.

А. Пашкин.

Чего не хватает?

Революция продолжается. А народные массы страдают и чего-то ждут. Ждут, что кто-то их устроит и даст все, что им нужно: пищу, одежду, жилище, образование и т. п.

Матя едет—когда-то будет. А пока-что в этом направлении ничего из себя ничего не сделали за истекший первый год революции.

Замечается уже охлаждение и начало разочарования, а контр-революция жет готовится похитить свою голову и арешет с каждым днем за дело революции.

Печально, конечно, но это факт. И в этом нет ничего удивительного: социал-государственный весь оттобен, влов, разнородностей и маетей поучил простодушных, что в тот момент, когда власть будет в их руках, то тогда же начнется осуществление, воплощение социализма, которое вскоре и закончится полной победой труда над капиталом.

Но вот с начала революции эта самая власть все время давалась сама в руки и среди ихателей ее производила, производит и будет производить, иначе и быть не может, дикие и бесмысленные раздоры.

Одни из них говорят, что у нас де промышленности слаба, народ темный, невежественный, и тем самым недостатком он вступит в обостренное „парство социализма“. Нет, правых „концентрация капитала“, „централизация власти“ и „пролетариатизация масс“. Словом, бедный недостаток, выварены в котле капитализма, но давнишнему выражению Плеханова, кажется. Выходит так, что „революция по Марксу“ должна быть буржуазной, а потому выход из положения—в коалиционном министерстве и затем в управительном собрании.

Другие из них, посмеясь, вырвали у тех власть „объявить“ революцию социальную, но социализма по своему марксо-ленинскому рецепту что-то все еще не изобрели.

Предполагается в Томске замена безработных служащих в разных бумажно-рабочих „устройствах“—домовладельцев и прочих ипущих, а также их жен, дочерей и вообще лиц, могущих существовать на счет других, совсем не идет к социализму, ибо эксплуатация не только не ослабляется этим, а наоборот—усиливается, принимая более смеклетую, хитроумную и, следовательно, тьмелую форму. Это просто означает: „Ты, милый домовладелец, живи своим „домашним“, а работай на тебя будет голаш“. Организация государством общественных работ для расквашивания безработных никуда не годится, ничего собою не принесет, кроме обмана голодающих, затуманивания их сознания, потому что она опять-таки является на эксплуатации рабочих государством. Затем и заграждения о без-

